

УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

РАСКОЛОТЫЙ ЗАПАД: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОАТЛАНТИКИ

Аннотация. В центре исследования – различные оценки текущего состояния и перспектив концепции либерального мирового порядка и его основного политического субъекта – либерального политического истеблишмента (ЛПИ). Данная проблема рассматривается в контексте глобального управления и регулирования с привлечением понятий “пост-Запад”, “транзакционные отношения”, “новый популизм”, “двухъядерный Запад”. Проведён анализ политико-идеологической конкуренции в Евросоюзе, движущими силами которой являются умеренное течение ЛПИ и “европейская альтернатива”. Прогнозируется дальнейший рост влияния “нового популизма” в результате выборов в Европарламент в мае 2019 г. Сделан вывод, что наращивание собственного политико-военного потенциала ЕС является императивом. Автор считает, что многовекторная активная внешняя политика России по выстраиванию кооперативного полицентризма больше отвечает её интересам, чем концепция “стратегического терпения”.

Ключевые слова: либеральный политический истеблишмент, пост-Запад, транзакционные отношения, новый популизм, двухъядерный Запад, европейская альтернатива.

Среди европейцев и специалистов по международным отношениям в России и за рубежом, в многочисленных исследовательских центрах ширится дискуссия о судьбе “либерального мирового порядка” во главе с США, о дальнейших перспективах западного мира. От конфронтационной риторики о взаимоотношениях внутри Запада, которая в Евроатлантике была взята на вооружение администрацией Дональда Трампа, и затем нехотя подхвачена политиками Европейского Союза, стороны переходят к конкретным действиям как в экономической, так и в политико-

© **Громько Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Статья выполнена при поддержке ПФИ Президиума РАН № 22 “Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей России”, проект “Большое европейское пространство: геополитическая и социально-экономическая трансформация.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420180516>

военной сфере. Отношения США и Евросоюза всё больше приобретают “транзакционный”, точечный, сугубо прагматичный характер, атрибутами которого стали взаимные упрёки, угрозы и реальные экономические санкции.

Судя по всему, европейский либеральный политический истеблишмент (ЛПИ) почти потерял надежду вернуть США в лоно “старого Запада” и берёт курс на идеологическое и политическое самореформирование. Даже солидарность Североатлантического альянса перестала быть неприкасаемой темой по обе стороны океана. Цель ортодоксальной части ЛПИ состоит в том, чтобы сохранить мир западноцентричным и добиться возрождения роли США “до Трампа”. Одновременно усиливается более умеренное видение дальнейших путей трансформации Запада, когда признаётся, что его раскол неизбежен по объективным историческим причинам, и Евросоюзу в условиях “новой нормальности” необходимо становиться самостоятельным центром силы. В самом ЕС, помимо ортодоксальной и умеренной части ЛПИ, усиливается альтернативная политическая платформа, которую в целом можно обозначить, как движение “нового популизма”. Для последнего характерны различные течения евроскептицизма, упор на национальное самосознание, перераспределительные модели общественного устройства.

“Большая шестёрка” вместо коллективного Запада?

Марк Леонард, директор Европейского совета по международным отношениям (ЕСМО), в статье “Европа для себя” пишет, что для Старого Света пришло время заново оценить свои интересы и выработать новую стратегию их защиты¹. Он и всё больше других западных экспертов оценивают действия Д. Трампа уже не только как вредные для евроатлантической солидарности по отдельным вопросам, но как подрывающие весь “старый порядок”, “порядок, основанный на правилах”, “либеральный мировой порядок”. Всё громче голоса тех, кто призывает, не отказываясь в принципе от союзнических отношений с США, заменить Вашингтон в качестве лидера этого порядка. Другой известный исследователь либерального толка Иван Крастев, руководитель Центра либеральных стратегий (София) и один из организаторов ЕСМО, ещё более откровенен: “Логика мира после холодной войны заключалась в том, что влияние США зиждилось на сохранении и расширении союзнических альянсов. Эта логика действовать перестала. Для Европейского союза величайший риск заключается в том, чтобы стоять на страже статус-кво, которого больше не существует”². Такие рассуждения ведут к следующему выводу: после отрешения России от клуба ведущих западных государств, а теперь де-факто по ряду позиций и выхода из него США, во главе мировой системы управления на основе модели многосторонности (мультилатерализма) может остаться только “большая шестёрка” (Британия, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония)³.

¹ [Leonard, 2018] (дата посещения 15.08.2018). М. Леонард в своё время был автором известной апологетической в отношении мировой роли ЕС книги: [Leonard, 2011].

² Krastev Ivan. Sorry, NATO. Trump Doesn't Believe in Allies // The New York Times, Opinion. 11 July 2018. И этот либеральный исследователь выражает разочарование положением дел в ЕС: [Krastev, 2017].

³ О различных моделях глобального регулирования см.: [Громыко, 2018а: 134–137; Кувалдин, 2018; Кортуннов, 2018].

Всё более массовые изменения в умонастроениях политических кругов на Западе, в первую очередь в Европе, свидетельствуют о следующем. Во-первых, западноевропейский политический истеблишмент находится в состоянии растерянности и, в поиске новых точек опоры, всерьёз начинает примеривать на себе одежды геополитической автономии, т.е. независимой от США внешней политики. Той самой геополитической автономии, которая провозглашена в Глобальной стратегии ЕС в 2016 г., но которая пока оставалась больше риторическим фрондированием в отношениях с США, чем на деле реализуемой концепцией.

Во-вторых, данный истеблишмент расстается с надеждой вновь укрыться за экономическим и военным зонтиком США, как только Д. Трамп перестанет быть президентом. Вместо этого крепнет понимание, что Трамп – это не политическая aberrация¹, а закрепление новых фундаментальных тенденций во внешней и внутренней политике США: консолидация остающейся мощи для продвижения собственных интересов, отказ в этом контексте от многосторонних глобальных и союзнических механизмов в пользу “транзакционного” и двустороннего характера внешних связей, “уход” из Европы и сосредоточение на долговременном соперничестве с Китаем и Ираном.

Это не означает, как может показаться, что Трамп отвергает традиционных союзников Америки. В действительности хозяин Белого дома заставляет их расстаться с иллюзиями вечности патернализма со стороны США и иждивенческими настроениями европейцев, перестать постоянно превозносить США как светоча демократии, одновременно претендуя на лидерские позиции ЕС в мире. Обмениваясь взаимными упрёками, заблуждаются обе стороны: Трамп ошибается, полагая, что транзакционным² характером отношений с союзниками он принудит их играть по своим правилам без серьёзных долгосрочных последствий для США; либеральные атлантисты ошибаются, считая, что с помощью пока ещё мало чем подкреплённых геополитических амбиций Евросоюз заменит Америку в качестве “лидера свободного мира”.

Эти амбиции нуждаются в разноплановых ресурсах. Есть ли они у Запада за минусом США? Наиболее проблемные пункты в становлении ЕС как полноценного центра силы (а именно ЕС является единственным претендентом помимо США на лидерство коллективного Запада) – это финансово-экономическая зависимость от Америки, в первую очередь роль последней как эмитента мировой резервной валюты, и отсутствие собственного военного потенциала. События после введения Брюсселем 7 августа 2018 г., по аналогии с его действиями в 1996 г., “блокирующего регламента” в ответ на выход Вашингтона из иранской ядерной сделки (Совместного всеобъемлющего плана действий), и запуска антииранских санкций, показывают, что ЕС бессилён предотвратить уход с иранских рынков крупных европейских компаний из-за угрозы американского наказания [Комментарий Постоянного представителя России при ЕС В.А. Чижова..., 2018]. Как результат, в Европе обсуждение вопроса укрепления еврозоны теперь переплетается с вопросом упрочения своей финансовой независимости. В центре внимания находится уже не только проект создания Европейского валютного фонда (ЕВФ) на базе существующего Европейского механизма стабильности, но и собственной платёжной системы (ев-

¹ Например, см.: [Евросоюз должен создать независимую от США платёжную систему..., 2018].

² О транзакционном характере межгосударственных отношений см.: [Громько, 2018b: 4–9].

ропейская SWIFT). Так, об этом в августе рассуждал Хайко Маас, министр иностранных дел Германии, в газете “Хандельсблат”¹. На тему создания ЕВФ в последние месяцы не раз высказывались и Ангела Меркель, и Эммануэль Макрон.

События вокруг Ирана заставляют задуматься над следующим: если для борьбы с экстерриториальным применением законов США Евросоюз ввёл т.н. блокирующий регламент, то сделает ли он что-то похожее в ответ на возможные антироссийские санкции Вашингтона, направленные против “Северного потока – 2” (СП2)?² Фрондируя по поводу иранской проблемы, ЕС мало чем рисковал. Можно предположить, что защита ЕС ядерной сделки с Тегераном от посягательств Вашингтона явилась хорошей миной при плохой игре, а не реальной попыткой противостоять американцам. Ведь Брюссель понимал, что блокирующий регламент не защитит европейские крупные компании, работавшие в Иране. Именно от сотрудничества с ними в значительной степени зависит наполнение иранского бюджета в части операций с внешними экономическими агентами. Однако в случае СП2 европейским компаниям невозможно будет выйти из проекта, не потопив его. Негативной новостью стали противоречащие друг другу заявления германской энергетической компании Uniper, участвующей в проекте в качестве одного из пяти европейских инвесторов, о возможном выходе из него под угрозой санкций. Очевидно, что в Европе нервничают, но надеются, что после российско-американского саммита в Рейкьявике до санкций США против СП2 дело всё же не дойдёт.

Что касается собственного военного потенциала, то претензии на него открыто предъявлены и предпринимаются пробные шаги по их воплощению в жизнь. Эмбрионом заявленного Оборонного пакта ЕС (Европейского союза безопасности и обороны) служит соглашение о постоянном структурированном сотрудничестве (PESCO), реализация программ которого во многом будет зависеть от деятельности Европейского оборонного фонда (ЕОФ). Речь пока идёт только о стимулировании совместных НИОКР в военной сфере для создания полностью совместимых технологий и оборудования³. Суммарный военный бюджет стран-членов ЕС впечатляет – порядка 230 млрд евро, однако 80% оборонных закупок осуществляются исключительно на национальной основе. На фоне заявленных амбиций планы по решению данной проблемы более чем скромные – Еврокомиссия предлагает выделить для ЕОФ в следующем финансовом семилетнем цикле (2021–2027 гг.) 13 млрд евро. Также на деньги фонда можно будет покрыть до 20% стоимости создания прототипов и промышленных образцов. Причём промышленное производство и закупки остаются исключительно в ведении стран-членов ЕС. До сих пор из бюджета ЕС в 2017–2019 гг. выделено в виде грантовой программы на совместные проекты НИОКР в военной сфере лишь 90 млн евро.

Кроме того, утверждена Европейская программа военно-промышленного развития⁴ на 2019–2020 гг. с бюджетом 500 млн евро. Еврокомиссия выступила ещё с двумя предложениями: создать за рамками бюджета ЕС Европейский инструмент

¹ Цит. по: [Евросоюз должен создать независимую от США платёжную систему..., 2018].

² О санкционных инструментах и международном праве см.: [Полльева, 2018].

³ С 2010 г. страны ЕС тратят на совместные НИОКР в военной сфере менее 200 млн евро в год.

⁴ European Defence and Industrial Programme.

мира¹ с бюджетом 10,5 млрд евро для финансирования военных миссий и операций в рамках Общей политики безопасности и обороны и Европейский инструмент взаимодействия² для увеличения военной мобильности на территории ЕС (“военный Шенген”). На эти цели планируется направить 6,5 млрд евро. Очевидно, что даже в случае реализации этих инициатив и утверждения предложенных бюджетов Оборонный пакт ЕС ожидает длительный период развития, прежде чем будет создан заметный военный потенциал, подпирющий концепцию стратегической автономии и напрямую независимой от НАТО.

Возвращаясь к формату “большой шестёрки”, трудно не заметить, что она грешит чрезмерным оптимизмом. Напомним, что в её рядах состоит Британия, которая, в муках покидая Евросоюз, наносит своим европейским союзникам непоправимый ущерб, причём реальный, а не выдуманный, как в случае с “российской угрозой”. Поэтому, по большому счёту, речь идёт не больше, чем об организации “пятерка плюс”, в которой англосаксонский фактор становится маргинальным. Несмотря на все старания Лондона, доверие к нему со стороны Брюсселя подорвано. Вплоть до того, что члены команды переговорщиков ЕС по брекзиту во главе с Мишелем Барнье подозревали англичан в краже у них конфиденциальной информации [Foster, 2018]. Кроме того, в “шестёрку” входят две неевропейские страны – Канада и Япония; обе и по экономическим, и по политическим причинам сильно зависят от США. У них нет резона активно подыгрывать европейским либеральным атлантистам в антирамповской партии. В этой ситуации уместно рассуждать о реальности пост-Запада.

Раньше главным скрепляющим раствором “большой семёрки” было объединяющее Запад со времён Второй мировой войны лидерство США. Затем, по мере переориентации Америки на Азию и на собственные интересы, на эту роль стала претендовать европейская составляющая клуба с опорой на ЕС. На фоне брекзита такой вариант становится трудно осуществимым. Остаётся лишь одна организация, пока ещё объединяющая всех членов “семёрки” и их союзников, – НАТО. Однако её будущее всё более туманное. Способность Альянса консолидировать Запад всё чаще ставится под сомнение. Незадолго до саммита НАТО в июле 2018 г., влиятельная американская газета писала: “Вопрос о том, найдёт ли Западный оборонный пакт себе место в XXI веке, в котором европейцы спорят друг с другом, как и с США, по экономическим, торговым и иммиграционным проблемам, и в котором мир переживает глубинные изменения с подъёмом Азии, заставляет задуматься о каких-то новых вариантах” [Hudson John, Sonne Paul, DeYoung Karen, Dawsey Josh, 2018].

Двухъядерный Запад

Действия Трампа, отражающие относительное снижение влияния США на международной арене, ведут к тому, что Запад лишается своего привычного стержня, и многие в ЕС надеются, что его можно заменить на новый, с маркировкой “Сделано в Европе”. В реальности шансы у ЕС есть на выполнение менее амбициозной задачи – в рамках Запада создать относительно самостоятельный европейский центр принятия и реализации решений и переложить на него часть обязанностей, от которых отказываются США. Сможет ли такая двухъядерная конструкция надолго продлить осмыс-

¹ European Peace Facility.

² Connecting European Facility.

ленное существование категории “Запад”, зависит больше от Вашингтона, который должен согласиться с каким-то новым вариантом перераспределения ответственности между противоположными берегами Атлантики. И спешить ему не приходится, ведь ЕС ещё должен доказать самому себе и продемонстрировать миру, что он способен на провозглашённую стратегическую самостоятельность.

О становлении последней свидетельствует ряд шагов европейских лидеров. Например, Ангела Меркель 18 августа в Берлине провела встречу с Владимиром Путиным в развитии двустороннего майского саммита в Сочи, в центре которой – согласование позиций по реализации СП2 и по сирийскому урегулированию. В сентябре канцлер встречается с Реджепом Эрдоганом, у которого как никогда испортились отношения с США. Такого рода шагами Берлин демонстрирует своё стремление находиться в центре принятия решений по ключевым пунктам международной повестки дня. Эммануэль Макрон со своей стороны заявил в августе на встрече с руководителями французских дипломатических миссий за рубежом, что “Европа не может больше доверять поддержание своей безопасности только Соединённым Штатам” [Zachary Young. Macron..., 2018]. В своём выступлении он также отметил значимость отношений с Россией и Турцией: “История этих народов неразрывно связана с Европой. Мы должны принять то, что Европа будет большой, намного больше, чем Европейский союз”.

В начале XXI века Франция и Германия из-за разногласий с США по поводу вторжения в Ирак уже предпринимали попытку проводить самостоятельную политику по крупным международным вопросам. Прошла серия встреч “большой тройки” в составе Берлина, Москвы и Парижа. Однако позже Вашингтону удалось восстановить позиции в Европе и нейтрализовать антиамериканские настроения в ведущих европейских столицах, включая Лондон. Более того, чтобы держать ситуацию под контролем, на территории союзников активно работали американские спецслужбы, включая прослушку телефонов глав государств, включая Меркель. Теперь же США своими собственными действиями заставляют ЕС брать на себя больше ответственности. Америка Трампа не имеет ничего против стратегической автономии Европы, считая вполне нормальным не только совпадение позиций, но и принципиальные разногласия между союзниками. Это доказывают решения Вашингтона выйти из Парижского соглашения по климату, перенести посольство США из Тель-Авива в Иерусалим, выйти из ядерной сделки с Ираном.

Впрочем, в истории это не уникальная ситуация. Например, свой аналог СП2 имел в годы холодной войны – “сделка века”, когда в 1970 г. СССР и ФРГ подписали долгосрочный контракт по поставкам сибирского газа в обмен на немецкие трубы большого диаметра. Сделано это было вопреки активным усилиям США по срыву реализации проекта. По схожему сценарию развиваются события и сейчас: США всячески, вплоть до закрепления на законодательном уровне, противодействуют прокладке третьей и четвёртой ниток “Северного потока”, а Германия строго по графику продолжает необходимые работы. Согласие на прокладку трубопровода получено от Финляндии и Швеции. Дания пока отказывается это сделать, хотя на судьбу проекта это не повлияет. Особую позицию по военно-политическим вопросам в стане Запада долгое время занимала Франция. Разногласия между Вашингтоном и Лондоном вызвала война во Вьетнаме, а позже Фолклендская война. США не раз в прошлом ста-

вили на место своих союзников, показывая, кто в доме хозяин, как, например, они сделали во время Суэцкого кризиса 1956 года в отношении Франции и Британии.

Теперь же, в 2018 г., мало кто, не считая твердолобых атлантистов¹, мешает Европе проявлять самостоятельность. Даже большая часть либерального истеблишмента² начинает верить в идею стратегической автономии. Но реализация планов по перехвату лидерства у США осложняется двумя дополнительными обстоятельствами.

Во-первых, существуют серьёзные трещины не только между ЕС и США, но и внутри обоих. Гражданская политическая война в США приняла с 2016 г. небывалый размах, многие традиционные правила поведения и приличия отброшены в сторону. Идёт жестокая борьба за власть, в которой противники Трампа стремятся довести дело до его импичмента, используя Россию как козла отпущения. Антагонисты Трампа, а значит, и сердцевины его электората, находятся не только в либеральных американских кругах, в Демократической партии и частично в Республиканской, в Конгрессе, но в государственном департаменте и в разведывательных службах. В свою очередь сторонники Трампа используют для обозначения своих соперников термин “глубинное государство”, подразумевающий нахождение тайных пружин власти в руках у политической и военной либеральной элиты. Противники Трампа используют для борьбы с ним государственную машину.

В США всё больше размывается понятие государственной тайны, что говорит о деградации качества государственного управления. В очередной раз это продемонстрировали утечки в прессу деталей переговоров “с глазу на глаз” Дональда Трампа и Владимира Путина в Хельсинки в июле 2018 г., противостояние Трампа и бывшего главы ЦРУ Джона Бреннана, скандал, связанный с бывшей помощницей Трампа Омаросой Маниго-Ньюман, уволенной из Белого дома в декабре 2017 г. Трудно себе представить, чтобы какой-либо сотрудник Администрации решился и смог тайно записывать разговоры с президентом и лицами из его ближайшего окружения без сго-

¹ Хайко Маас, министр иностранных дел Германии, называет их “закоренелыми сторонниками трансатлантического сотрудничества”. Цит. по: [Евросоюз должен создать независимую от США платёжную систему..., 2018].

² Либеральный политический истеблишмент (ЛПИ) – собирательное понятие, в целом обозначающее политические силы со следующими характеристиками: 1. принадлежность к традиционным центристским партиям, в основном относящимся к категории “универсальных”; 2. приверженность принципам евроатлантизма и солидарности в ЕС; 3. самоидентификация на основе понятия “Запад” с лидерством США; 4. обязательное членство своих стран или союзнические отношения с НАТО и/или ЕС; 5. отношение к социальным и культурным вопросам с позиций левого либерализма; 6. отношение к глобализации на основе политэкономии Вашингтонского консенсуса и “экономики предложения”, включая неолиберализм; 7. проведение внешней политики на основе ценностных подходов и солидарности с США; 8. в большей или меньшей степени восприятия России и Китая как опасности; 8. отношение к “новому популизму” в Европе и США как к угрозе своего руководящего места в партийно-политических системах. В крупных партиях к ЛПИ может принадлежать только их часть, например, правый фланг в Лейбористской партии Великобритании. Принадлежность к ЛПИ не снимает существенные противоречия между принадлежащими к нему силами в отношении национальных или региональных социально-экономических моделей развития, например, англосаксонская, скандинавская, рейноальпийская и т.п.

вора с представителями спецслужб. Причём одна из бесед состоялась в Ситуационной комнате Белого дома – центре управления национальной безопасностью США.

По другую сторону океана признаком разбалансировки служит не только брекзит, хотя и этого достаточно, чтобы усомниться в способности ЕС выйти на новый качественный уровень. Нагнетание напряжённости происходит в отношениях между Брюсселем и Варшавой, которые пока так и не нашли общий язык по ситуации с верховенством закона в Польше. Еврокомиссия перешла к следующему этапу юридической процедуры по её принуждению к выполнению взглядов Брюсселя на состояние дел с правосудием в этой стране. Однако такая мера, как лишение государства-члена ЕС права голоса в Совете ЕС, потребует единогласного решения. Но уже ряд стран, в том числе Венгрия – коллега Польши по Вишеградской группе, а также все три прибалтийские страны, заявили, что не допустят остракизма своего соседа. Либеральный европейский истеблишмент продолжает бичевание Виктора Орбана, хотя этот незаурядный политик уверенно выиграл в 2018 г. парламентские выборы, как продолжается и критика “нелиберальной демократии” в Словакии, Чехии, а теперь и в Румынии.

Во-вторых, дифференциация Запада и обретение ЕС геополитической роли сверх впечатляющих объёмов помощи развитию может идти иным путём, не совпадающим с воззрениями либерального истеблишмента о стратегической автономии. Его представители считают, что, заняв вакантное место мирового лидера западноцентричной системы мирового управления, они смогут вести себя на мировой арене подобно США до Трампа, т.е. руководствоваться постулатами Вашингтонского консенсуса, гуманитарных интервенций, “ответственности по защите”, антироссийской политикой. Можно возразить, что именно при Трампе антироссийская истерия и санкционная война достигла небывалых высот. Однако случилось это вопреки его воле и мнению значительной части его электората¹. Если бы Демократическая партия смирилась со своим поражением и не взяла курс на импичмент президента, отношения Кремля и Белого дома вернулись бы в приемлемое русло.

Формула “занять в мировой системе координат традиционное место США, но вести себя, как США до Трампа”, пользуется большой популярностью в европейских либеральных политических кругах. Их взгляды по тем или иным национальным и международным проблемам широко тиражируются. Например, в наиболее влиятельном СМИ Евросоюза – “Политико” регулярно размещают материалы жёсткой антироссийской направленности. Накануне встречи Владимира Путина и Ангелы Меркель в Мезеберге 18 августа 2018 г. публикуется статья со следующим центральным тезисом, несмотря на всю его абсурдность: “Если Меркель действительно обладала бы лидерскими качествами в эпоху, когда, по её словам, принятие решений в Европе не должно полностью зависеть от Америки, она должна похоронить проект “Норд стрим – 2” на саммите с Путиным” [Vinocur John. Merkel should scuttle Nord Stream 2, 2018].

¹ Даже по такому «токсичному» для американского обывателя вопросу, как отношение к В.В. Путину, сохраняется резкое отличие между демократами и республиканцами. Среди последних 27% симпатизируют российскому президенту, а среди первых – только 4%. Также стоит отметить, что среди республиканцев такой же степени поддержки пользуется А. Меркель. См.: [Saad Lydia. Americans lukewarm..., 2018].

Европейская альтернатива

В реальной жизни позиции ЛПШ в партийно-политических системах европейских стран слабеют; на первый план выходят новые политические силы, как правого, так и левого толка. Первые перехватывают у старого мейнстрима лозунги общественного порядка, вторые – лозунги социальной справедливости. В своё время переворот в политике был осуществлён неолибералами, в первую очередь тэтчеристами, направлявшими общественное недовольство социально-экономическими проблемами против профсоюзного движения. Под каток “экономики предложения”, подмявший “экономику спроса”, попали “социальный контракт” и трипартизм, в целом социальный рынок. ЕС гордился им несколько десятилетий, хотя на практике масштабы социальной несправедливости и социального неравенства в большинстве европейских государств увеличивались уже с 1990-х гг. Теперь же конёк новых правых популистов, например, итальянской “Лиги”, “Альтернативы для Германии” [Тимошенко, 2018: 54–62] или французского “Национального объединения”¹, – это борьба против мультикультурализма, неконтролируемой миграции, демократического дефицита в своих государствах и в ЕС.

Что касается лозунгов социальной справедливости, борьбы за интересы среднего класса и беднейших слоёв населения, то здесь изменения более аутентичные для левого движения. В этой нише общественно-политической борьбы заявляют о себе как левые новые популисты, например, “Подemos” в Испании, Движение пяти звёзд в Италии, так и старые социалистические партии, пытающиеся вернуться к истокам. Многие в этом сегменте европейского левого движения делают ставку на Джереми Корбина, лидера Лейбористской партии Британии, приверженца многих традиционных канонов социалистического движения, который имеет серьёзные шансы победить на следующих всеобщих выборах в этой стране [O’Leary Naomi. Europe’s left looks to Jeremy Corbyn, 2018]. Более крупной фигуры на европейском левом фланге на сегодня, действительно, нет. По другую сторону Ла-Манша французская Социалистическая партия переживает упадок после крайне неудачного президентства Франсуа Олланда. В глубокой оппозиции находится Демократическая партия Италии, как и Датская лейбористская партия. Позиции Испанской социалистической рабочей партии во главе с новоиспечённым премьер-министром Педро Санчесом пока шатки [Верников, 2018: 48–53]. Рекордно низкой поддержкой в обществе располагает Социал-демократическая партия Германии.

Помимо Британии, левая идея переживает подъём в одной из самых неудобных для себя стран – США. Там в ходе президентской кампании 2016 г., на фоне небывалого роста популярности социалистической мысли, появился феномен Бернарда (Берни) Сандерса, сенатора от штата Вермонт. Согласно опросу, проведённому социологической фирмой YouGov в октябре 2017 г., 44% американцев, родившихся в 1980-е – 1990-е гг., хотели бы жить в социалистической стране².

На фоне успехов новых правых и новых левых³, ряд партий традиционного мейнстрима обнаруживают способность к адаптации, приспособлению к новым

¹ До июня 2018 г. – Национальный фронт.

² [Бовдунов, 2017]. Берни Сандерс является сторонником социал-демократии “поскандинавски”.

³ Оба термина в ином контексте употреблялись ещё в 1980-е гг.

условиям политического процесса, используют изменения в свою пользу. Например, Австрийская народная партия во главе с 31-летним Себастьяном Курцем смогла одержать победу на парламентских выборах в октябре 2017 г., заметно улучшив свои результаты и сформировав устойчивое коалиционное правительство с право-популистской Партией свободы. Другие крупные правоцентристские партии подобных качеств не проявили. Так, в Испании в деморализованном состоянии находится Народная партия после вотума недоверия, вынесенного правительству Мариано Рахоя в мае 2018 г. Успехи в последние годы демонстрировали практически все “правопопулистские” партии стран Северной Европы, включая Датскую народную партию, “Истинных финнов”, норвежскую партию Прогресса и Шведских демократов. Только последние ещё не входят в состав правящих коалиционных правительств. Шведские демократы на прошедших в сентябре выборах получили рекордное количество голосов и мандатов, закрепив свой статус второй по значению партии в стране [Poll of Polls. Riksdag, 2018]. Когда-то являясь компонентами внесистемной оппозиции, к настоящему времени североευропейские популисты превратились в составляющую мейнстрима, оттесняя традиционные партии от власти или заставляя их следовать изменившимся правилам игры [Плевако, 2018: 63–69].

Большинство новых правых и левых популистов, с разной скоростью, но уверенно превращающихся в новый центр, является антиподом ЛПИ. Их объединяет евроскептицизм той или иной масти, их электорат – это по разным причинам разочарованные и недовольные избиратели, среди которых представители и богатых, и бедных слоёв населения. Новый центр в целом умеренно евроскептически, выступает за реформирование ЕС при упрочении его межправительственной опоры, за социальные реформы, за более активную перераспределительную государственную политику, против милитаризации внешней политики и её идеологизации. Большинство новых левых и новых правых – сторонники нормализации отношений с Россией.

* * *

Происходящий раскол Запада, глобальные социально-экономические процессы и технологические изменения, отражающие “новую нормальность”, имеют целый ряд долговременных последствий. Евросоюз стоит перед необходимостью не только внутренней политической и экономической модернизации, но во многом нуждается в изменении своего мышления, стратегических подходов и целей. Расставание с традиционной картиной мира и с доктриной коллективного Запада проходит мучительно, но поступательно. Нарастание собственного политико-военного потенциала ЕС является очевидным императивом. На политическую арену Европы выходят новые силы, которые в ряде стран вытесняют прежние партии мейнстрима на обочину партийно-политических систем. Представляется, что основная борьба за политические высоты в странах-членах ЕС и в наднациональных структурах пойдёт в ближайшие годы между умеренными представителями европейского ЛПИ и силами, представляющими европейскую альтернативу. Очередные выборы в Европарламент в мае 2019 г. приведут к усилению позиций новых левых и новых правых.

В этой ситуации Россия может следовать линии “стратегического терпения”, занимая выжидательную позицию, пока пыль от происходящей перетряски Запада не уляжется. Иной, более эффективный вариант поведения заключается в том, что-

бы придерживаться более активной позиции, участвовать в формировании мира вокруг себя или хотя бы встраиваться в него на благоприятных для себя условиях, и делать это не только на восточном, но и на западном направлении. Обе стороны Света для будущего России и её развития имеют огромное значение. Это означает не вмешательство в дела других стран – тема, которая набила оскомину, но активное содействие на основе международного права всем многочисленным процессам, которые способствуют утверждению кооперативного полицентризма. На этом долгом пути Россия будет иметь дело со всё менее консолидированным “двухъядерным” Западом и с многоликой Азией, которая продолжит становиться осью мировой политики. Восточноцентричный мир предоставит России новые геополитические рычаги для усиления её влияния при условии, что за следующие годы она проведёт свою собственную модернизацию.

Список литературы

- Бовдунов Александр. Новая американская мечта: почему молодёжь США выбирает социализм. 4 ноября 2017 г. RT на русском. <https://ru.rt.com/9kdd> (дата посещения 18.08.2018)
- Верников В.Л. (2018) Новое правительство испанских социалистов: обещания и возможности // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 48–53.
- Громько Ал.А. (2018a) Четверть века внешней политики России // *Современная Европа*, № 3. ИЕ РАН. М. С. 134–137.
- Громько Ал.А. (2018b) Политический ландшафт Европы: грозит ли ЕС геополитическое одиночество? // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 4–9. <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru>
- Евросоюз должен создать независимую от США платёжную систему – глава МИД Германии. ТАСС, 21 августа 2018.
- Комментарий Постоянного представителя России при ЕС В.А. Чижова российским СМИ о введении ЕС блокирующего регламента в отношении “санкций” США против Ирана. 15.08.2018. <https://russiaeu.ru/ru/novosti/kommentarii-postoannogo-predstavitela-rossii-pri-es-vacizova> (дата посещения 04.09.2018)
- Кортунов А.В. Почему мир не становится многополярным // www.riac.ru, 27 июня 2018 г. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym> (дата посещения 30.08.2018)
- Кувалдин В.Б. Сумерки нелиберальной однополярности // www.riac.ru, 5 июля 2018 г. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sumerki-neoliberalnoy-odnopolyarnosti> (дата посещения 04.09.2018)
- Плевако Н.С. (2018) Национализм и правый популизм в скандинавских странах и Финляндии // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 63–69.
- Полльева Д.Р. Санкции, пошлины, контрмеры... Что дальше? Аналитическая записка № 31. ИЕ РАН. М.: 2018. <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an127.pdf>
- Тимошенкова Е.П. (2018) “Альтернатива для Германии” в бундестаге: поворот ФРГ вправо // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 54–62.
- Krastev Ivan. (2017) *After Europe*. University of Pennsylvania Press.

References

- Bovdunov Aleksandr. Novaya amerikanskaya mechta: pochemu molodyozh' SSHA vybiraet socializm. 4 noyabrya 2017 g. RT na rusском. <https://ru.rt.com/9kdd> (data poseshcheniya 18.08.2018)
- Evrosoyuz dolzhen sozdat' nezavisimuyu ot SSHA platyozhnyuyu sistemu – glava MID Germanii. TASS, 21 avgusta 2018.
- Foster Peter. EU fears its Brexit talks are being bugged by British secret agents trying to obtain sensitive files // *The Telegraph*. 15 August 2018. <https://www.telegraph.co.uk/politics/2018/08/15/eu-fears-brexit-talks-bugged-british-secret-agents> (дата посещения 20.08.2018)
- Gromyko Al.A. (2018a) *СHetvert' veka vneshnej politiki Rossii* // *Sovremennaya Evropa*, № 3. ИЕ РАН. М. С. 134–137.

- Gromyko Al.A. (2018b) Politicheskij landshaft Evropy: grozit li ES geopoliticheskoe odino-chestvo? // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, № 3. С. 4–9. <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru>
- Hudson John, Sonne Paul, DeYoung Karen, Dawsey Josh. U.S. assessing cost of keeping troops in Germany as Trump battles with Europe // The Washington Post. 29 June 2018.
- Kommentarij Postoyannogo predstavatelya Rossii pri ES V.A. Chizhova rossijskim SMI o vvode-nii ES blokiryuyushchego reglamenta v otnoshenii “sankcij” SSHA protiv Irana. 15.08.2018. <https://russiaeu.ru/ru/novosti/kommentarii-postoannogo-predstavatelya-rossii-pri-es-vacizova> (data poseshcheniya 04.09.2018)
- Kortunov A.B. Pochemu mir ne stanovitsya mnogopolyarnym // www.riac.ru, 27 iyunya 2018 g. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym> (data poseshcheniya 30.08.2018)
- Krastev Ivan. (2017) After Europe. University of Pennsylvania Press.
- Kuvaldin V.B. Sumerki neoliberal'noj odnopolyarnosti // www.riac.ru, 5 iyulya 2018 g. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sumerki-neoliberalnoy-odnopolyarnosti> (data poseshcheniya 04.09.2018)
- Leonard Marc. Europe for Itself // www.project-syndicate.org, 24 July 2018 (дата посещения 15.08.2018)
- Leonard Marc. Why Europe will Run the 21st Century. HarperCollins UK. 2011.
- O’Leary Naomi. Europe’s left looks to Jeremy Corbyn. Politico. 29.07.2018. <https://www.politico.eu/article/jeremy-corbyn-labour-left-left-look-to-corbyn> (дата посещения 20.08.2018).
- Plevako N.S. (2018) Nacionalizm i pravyy populizm v skandinavskih stranah i Finlyandii // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, № 3. С. 63–69.
- Poll of Polls. Riksdag (Swedish Parliament) // www.pollofpolls.eu, 28.08.2018 (дата посещения 28.08.2018)
- Pollyeva D.R. Sankcii, poshliny, kontrmery... CHto dal'she? Analiticheskaya zapiska № 31. IE RAN. M.: 2018. <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an127.pdf>
- Saad Lydia. Americans lukewarm toward leaders of U.S. Allies // news.gallup.com, Politics. 21 August 2018.
- Timoshenkova E.P. (2018) “Al'ternativa dlya Germanii” v bundestage: povорот FRG vpravo // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, № 3. С. 54–62.
- Vernikov V.L. (2018) Novoe pravitel'stvo ispanskikh socialistov: obeshchaniya i vozmozhnosti // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, № 3. С. 48–53.
- Vinocur John. Merkel should scuttle Nord Stream 2 // Politico, European edition. 17.08.2018. <https://www.politico.eu/article/putin-merkel-should-scuttle-nord-stream-2> (дата посещения 26.08.2018)
- Zachary Young. Macron: Europe can't depend on US for security. Politico.eu. 27 August 2018 (дата посещения: 31.08.2018)

The West Divided: Consequences for Euro-Atlantic

Author: Gromyko Alexey, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (RAS). Head of the department of theory and history of international relations, Nizhnii Novgorod State University. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The paper explores different approaches to assessment of liberal world order and its main political subject – the liberal political establishment (LPE). This issue is looked upon in the context of global governance and regulation and drawing on the notions of post-West, transactional relations, New Populism, dual core West. The author analyses political-ideological competition in the EU, emphasising the role of the LPE moderate wing and of the European alternative. The further growth in the popularity of New Populism in the European Parliament election in May 2019 is foreseen. The author holds that the creation of the EU political-military potential is an imperative. He argues that an active multivector Russian foreign policy pursuing the model of cooperative polycentrism is more conducive to her interests that the concept of “strategic patience”.

Key words: liberal political establishment, post-West, transactional relations, New Populism, dual core West, European alternative.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420180516>